

Обсуждается проблема специфических особенностей нестолических городов, делающих их привлекательными для горожан. Предлагаются варианты формирования городской идентичности и уникальности. Анализируются варианты конструирования городской идентичности Иркутска. Рассматривается связь исторического развития города и его современные проблемы: освоение берегов Ангары, сохранение деревянной архитектуры и архитектурного наследия В. Павлова. Поднимается вопрос о своеобразии городской мифологии.

Ключевые слова: архитектура; город; идентичность; уникальность; Иркутск; Ангара; Владимир Павлов; деревянное зодчество; необрутализм; городская мифология. /

О привлекательности нестолиц / Attractiveness of Non-metropolitan Cities

текст
Марина Ткачева /
text
Marina Tkacheva

13 июня в Иркутском доме архитектора собрался дискуссионный клуб для разговора о нестоличности. Участвовали начальник управления культуры Иркутска Виталий Барышников, журналист Александр Гимельштейн, архитекторы Елена Григорьева и Николай Жуковский, социальный психолог Константин Лидин, культуролог Марина Ткачева, политолог Сергей Шмидт.

ЕЛЕНА ГРИГОРЬЕВА В названии темы – явный парадокс. Каждый региональный центр – столица, иногда – столица огромного региона в своем прошлом (Иркутск, как известно, был административным центром огромной территории, включающей Аляску), Красноярск, став миллионником, начал бороться с другим миллионником, Новосибирском, за титул столицы Сибири. В любом случае эти якобы столицы несравнимы по возможностям со столицей России. Жизненная реальность заключается в том, что у всех городов не только разные возможности, но и разные цели. И все-таки объединяющими целями для всех городов можно считать создание комфортной среды, обеспечение приемлемого качества жизни, успешность в борьбе за человеческий капитал. По всем трем позициям мы проигрываем. Что могут города противопоставить престелям столиц, на что делать ставку?

Хочется поговорить о феноменах Иркутска. Они существуют, о них говорят на разных уровнях власти и в городских сообществах. И в архитектурном цеху Иркутска есть свои феномены, свои идентичности: деревянное зодчество, павловская архитектурная школа, градостроители-шестидесятники. В XXI веке появился 130-й квартал. Это не совсем то, что ожидалось, но явно нечто новое, опирающееся на иркутские традиции и означающее отчетливую перемену в отношении к наследию, и это новое имеет продолжение в проекте Иркутских кварталов.

КОНСТАНТИН ЛИДИН Всегда ли нестоличность – это провинциальность? Насколько это справедливо? И деревянное зодчество, и необрутализм никак нельзя назвать провинциальными, хотя они отчетливо нестоличны и в столице не смогли бы появиться. Но они находятся на совершенно современном уровне мировой архитектуры. Удается ли нащупать эту разницу между нестоличностью и провинциальностью? Но пока у нас в поле зрения Москва, мы ничего толкового сделать не сможем и своего, оригинального создать не сможем тоже.

ЕГ Иркутск – не Москва, но академик Боков характеризует Иркутск 70-х годов XX века как нечто исключительное в архитектуре. Это как раз тот период, когда Москва не принималась в расчет.

НИКОЛАЙ ЖУКОВСКИЙ Исключительность появляется при игнорировании Москвы. А протестные движения оригинальности родить не могут.

АЛЕКСАНДР ГИМЕЛЬШТЕЙН От чего отталкиваться в представлениях о нестоличности и провинциализме? Очень плодотворным может оказаться концепция культурных гнезд, которые вообще не предполагают существование столицы: социogeографически гнездо может находиться везде. В таком случае и проблемы столицы не существует, а есть только проблема концентрации: там, где 50 тысяч архитекторов, шансов на рождение талантов в кратное количество раз больше, чем в местах, где их, например, 500. Но иногда гений возникает вообще в ситуации одиночества: тут не угадаешь. Тогда, может, и постановка вопроса неверна, потому что столичность вообще не имеет значения. Тогда наша неспособность генерировать идеи не имеет отношения к столичности/нестоличности.

МАРИНА ТКАЧЕВА А как определить, хуже мы или не хуже столичности?

НЖ Внедрение изобретенного...

АГ Или признание, хотя бы в пределах профессионального сообщества.

МТ Тогда мы возвращаемся к разговору об элитах. В том смысле, что они могут разобраться в некоем явлении культуры.

НЖ Генераторами идей могут быть люди, не обремененные «элитностью». Они активны, стремятся к самореализации, поэтому уходят в города, а в случае неуспеха – из городов в столицу; это попытка реализовать свои идеи.

АГ Получается, что все «понаехавшие» в столицу – это провинциальные неудачники?

НЖ Мне кажется, что надо заменить термин «депрессивный» на термин «транзитный»: пришли в город – отучились – ушли. Но мы теряем столичность, когда исчезают иркутские вузы. Мы теряем вузы – и теряем свою оригинальность, непохожесть.

СЕРГЕЙ ШМИДТ Мне кажется, что такой черной полосы в высшем образовании, которая началась в нулевые годы,

The discussion focuses on the peculiarities of non-metropolitan cities that attract their citizens. Different alternatives of formation of urban identity and uniqueness are proposed. The proposals for the creation of urban identity in Irkutsk are analyzed. The discussion features the connection between the historical development of the city and its present-day problems: development of the Angara waterfront; preservation of wooden architecture and V. Pavlov's architectural heritage. It brings up an issue of distinctness of city mythology.

Keywords: architecture; city; identity; uniqueness; Irkutsk; Angara; Vladimir Pavlov; wooden architecture; neo=brutalism; city mythology.

Иркутск не переживал никогда. Столичность, на мой взгляд, – это такая иркутская психотравма: мы живем в городе, который болеет тем, что он не столица, а когда-то он ею был. Я могу вспомнить три варианта иркутской столичности: Иркутск – главный город Сибири, в котором счастливо объединились и административные, и купеческие функции. Второй вариант – Иркутск – столица Восточной Сибири. А третий – это когда сознательно или интуитивно мы все вместе выдумали Байкальский регион и сделали Иркутск столицей Байкальского региона. Географы мне когда-то сказали, что Байкальский регион – это весь водосбор Байкала. Тогда и изрядный кусок Монголии сюда войдет. Если трактовать Байкальский регион так, то у Улан-Удэ неплохие шансы на столичность. И если не получится с Байкальским регионом, то придется придумывать что-нибудь еще.

Можем ли мы наполнить понятия столица и провинция более-менее внятным содержанием? В самом предварительном смысле с понятием провинция связаны три характерных черты: отсталость, вторичность и подражательность – копирование, несамостоятельность. На наше счастье, уже несколько десятилетий развивается маркетинг, который делает главный упор на уникальность, правда, такую уникальность, которую можно продвинуть и монетизировать. Тогда задача выглядит простой: найти эту уникальность, продвинуть...

КЛ И продать.

СШ Я думаю, уникальность и есть тот крючок, ухватившись за который можно выйти за рамки дихотомии провинция-столица. Уже неоднократно мы все побывали на дискуссиях и мозговых штурмах, посвященных брендам, уникальности и т.п. Но за последние лет 5-8 новых идей не появилось; мы крутимся в кольце одних и тех же идей: Байкал, деревянная архитектура и кое-что по мелочи, типа омулевой бочки. Осмелюсь предположить, что инвентаризация иркутской уникальности произошла. В сущности, понятие уникальности освобождает от тягот провинциальности.

МТ На худой конец, можно оперировать и штампами.

АГ Есть еще один путь: замещение реальных достижений и уникальности симулякрами.

При всех достижениях современная иркутская литература не может похвастаться действительно значительными

достижениями. Уникальность ее закончилась вместе с Вампиловым и Распутиным уже не несколько лет, а десятилетия назад...

СШ Был у нас шанс на создание уникального театра, но он тоже был потерян.

АГ Кокорин, Шевченко, Вырыпаев...

СШ Предположу, что при этом у нас был шанс поднять театр на уровень новосибирского «Факела», этой безусловной достопримечательности города.

КЛ Может, уникальность Иркутска в том и состоит, что это трамплин? И Вампилов бы тоже здесь не остался, если бы был жив.

МТ Как минимум один фактор есть: публика, которая может творческую оригинальность оценить...

СШ В одном отношении советская цивилизация была более предпочтительна, чем сегодняшняя: она была значительно менее централизована; по моим подсчетам, там можно было насчитать как минимум 15 культурных центров, а включая Ленинград – 16. Сейчас культурная вертикаль намного жестче и мощнее отсасывает творческие силы с периферии.

КЛ Москва сама по себе глубоко провинциальна, и уникальности там значительно меньше, чем подражательности – Нью-Йорку, Парижу и т. п.

ВИТАЛИЙ БАРЫШНИКОВ Но само по себе явление трамплина тоже мало уникально.

КЛ Поражает воображение количество «стартовавших».

НЖ Мне понравилось, что на суждении о трамплине мы призамолчали. Если мы нашли в этом свое место, то есть шанс, что город не исчезнет, а будет всегда.

МТ А мы будем гордиться теми, кто уже уехал.

КЛ Если мы сформируем так, что столица – это города, в которые едут, а провинция – те, из которых едут, то Иркутск получается посередине: из него едут и в него едут, получается такая «проточность» при стабильной численности населения.

АГ «И мы кому-нибудь столица...» Но факт остается фактом: из Улан-Удэ, несмотря на наличие своего университета, едут учиться к нам, а вот из Тайшета или Чуны скорее в Красноярск.

ВБ Не забудем весьма искусно созданный еще в советское время миф: Иркутск – столица декабристов.

Этот посыл отработал на все сто. Если говорить об иностранцах, то и до сих пор самый посещаемый иркутский музей – Музей декабристов. Таким прочным оказался этот продукт эпохи. Кроме того, многие города в советское время были закрытыми, а в Иркутск приезжали и туристы, и зарубежные делегации. Мы как бы дважды теряли свою идентичность: после 1917 года, когда «буржуазность» Иркутска тщательно изживалась строительством заводов и внедрением рабочей прослойки. А второй раз – в конце XX века, уже на наших глазах.

АГ В таких случаях помогает высокомерие, такая компенсация ощущения неполноценности.

ЕГ В нем нет ничего плохого: это ведь «высокая мера»!

СШ Я от многих людей слышал (и мой собственный опыт подтверждает), что никто так не ругает свой город, как иркутяне.

ЕГ Я заметила это лет 10–15 назад; раньше такого не было.

ВБ Я вспомнил одного из писателей, которые состоялись без Союза писателей, Алексея Шаманова (Шманова). Он в своих текстах сделал микс из этнических историй (Ольхон, мистика, шаманизм, древняя тайга) и современного Иркутска. Я подумал, что существует целый кинематограф и литература на основе мифа о Диком Западе. История российской Сибири и Дальнего Востока в советское время получила своих авторов – К. Седых, Г. Маркова, В. Шишкова. А приключенческой литературы было меньше; мы до сих пор вспоминаем роман Жюль Верна «Михаил Строгов».

АГ У нас в Олхе живет Г. Романов, который написал с 2011 года уже 19 «попаданческих» романов (например, серии романов «Спасти Колчака», «Товарищ фюрер» и т. п.), изданных, замечу, «ОЛМА-пресс». Не готов оценивать их качество – не читал, но человек чешет на всю страну бестселлеры, и не из Иркутска даже, – из Олхи!

СШ Существуют некие стандарты для признания города серьезным городом. Например, университет, оперный театр. Мы мало значения придаем тому, что у нас нет своей водки, причем она была, и выпускавший ее комбинат разорился! На байкальской воде делала – и разорились!

КЛ А водку «Байкал» выпускает теперь Ульяновск... Но если вернуться к теме культуры с позиций рынка, то рано или поздно мы приходим все к тому же маркетингу.

То есть столица – это город, который научился продавать свои идеи, а провинция – тот, который этому не научился.

ЕГ Хочу процитировать предисловие академика А. В. Бокова к книге «Владимир Павлов»: «...»иркутский ренессанс" 70-х – ранее никому не известное, экзотическое явление, вдвойне интересное из-за узнаваемости его признаков и родовой принадлежности, из-за несомненной близости самым актуальным настроениям... Все, что сегодня вызывает законную, естественную зависть и тоску, что являет собой лучшее из принадлежащего второй героической эпохе российско-советской архитектуры, – все это было и есть в иркутской архитектуре 70-х: обращенность в будущее (а не в прошлое), значительность размеров и замыслов, сдержанность, строгость, честность, смелость, упрямство и сила».

АГ Но Иркутск этим не гордится и этого не понимает. И вряд ли сегодня можно сказать, что эта традиция 70–80-х годов развивается в Иркутске.

ЕГ Такой мощной линии нет, но есть ученики, которые в отдельных местах эту традицию поддерживают...

КЛ Если говорить об иркутских традициях в архитектуре, то они не оформились как метод. Само существование этой иркутской оригинальной архитектуры было достаточно кратковременным.

ЕГ Конструктивизм и авангард тоже были кратковременными... К тому же мы знаем, что начало иркутской школы можно отсчитывать с 60-х годов, с Воронежского, которого Павлов считал своим учителем в градостроительстве и который был автором весьма перспективных идей культурного центра и «Байкальского луча» – того направления, в котором должен развиваться город.

КЛ Конструктивисты много работали над идейной основой своей архитектуры: писали манифесты, тексты. Этим совершенно не занимались ни Павлов, ни его ученики.

ЕГ Павлов вообще считал, что архитектурной науки нет, есть только описание практики, систематизация стилистических особенностей, характерных для того или иного архитектора или школы.

СШ Из окон Дома архитектора видна почти восстановленная деревянная усадьба. А имеет ли смысл восстановление подобного деревянного, пусть даже и традиционно, дома в трех метрах от хрущевки и современного (хоть и неинтересного) здания суда?

НЖ Я бы сравнил это восстановление с деятельностью врача: все мы знаем, что умрем, но врач борется с болезнью, а хороший врач – до последней возможности.

КЛ Как кандидат технических наук хочу сказать, что дом из кругляка в инженерном отношении действительно шедевр. Хрущевка – чудовищная печка для согревания улицы. Ее еще можно было оправдать и позволить в условиях практически бесплатной энергии. Деревянный дом – это завтрашний день, в том числе и в отношении его пространственных характеристик. Если он окружен крупномерными деревьями, то представляет собой изолированный кусок пространства, такой «пузырек» с собственным микроклиматом.

ЕГ На самом деле в масштабах квартала это вполне органичное строение.

АГ Наглядно представлена деградация градостроительной политики – от деревянной застройки через хрущевки к современным коробкам.

СШ По моим представлениям, соседство деревянных домов с современными, совершенно немотивированное и эклектичное, – тоже уникальная особенность Иркутска. Я такого не видел в других сибирских городах: там все-таки поквартальное сохранение дерева создает более органичный облик застройки.

ВБ Самый вопиющий случай, когда дом, стоящий на своем месте, выглядит абсолютно чужеродным – это улица Декабрьских Событий, 35, возле Гипродора. Там на месте деревянной двухэтажки выстроили 16-этажник, и оставшаяся деревянная застройка смотрится абсурдно.

СШ Я бы использовал термин «точечная деревянная застройка»: когда рядом выстроены без всякой логики башни, подавляющие традиционные усадьбы. Может, это действительно иркутская оригинальность?

НЖ Понятие сложности, о которой ты, по существу, говоришь – это как раз среда, родившаяся из борьбы архитекторов с прочей творческой интеллигенцией в 80-е годы. Художники и писатели заботились о сложности, о среде деревянной архитектуры, где сохранялся не масштаб одного домика, а целой улицы, квартала. Но теперешняя ситуация уже неуправляема. А если мы не можем бороться, нам остается принять и согласиться с тем, что получилось. И тогда красота отдельного дома выглядит, как конфетка, особенно на фоне бетона. И его хочется отреставрировать.

МТ Как церковь Симеона Столпника на Поварской в начале Нового Арбата...

АГ Я недавно был в Новосибирске. Там тоже строят башни, но как-то не так, как-то по-другому, чем у нас.

КЛ Иркутский комплекс – это масштаб 15 x 15 метров. И это уже комплекс: дом и четыре дерева.

ВБ Мне кажется, что мы сегодня не обсуждали одну тему: Иркутск стоит на берегах Ангары. Ангара – не рядовая река; может, в этом и есть наша уникальность? Мои друзья, впервые попавшие в Иркутск, восхищаются не только деревянной застройкой, но и в восторге от Ангары, ее чистоты, прозрачности. Река, на которой стоят четыре ГЭС, и первая – в Иркутске. Несколько лет назад обсуждалась идея о создании музея Ангары или парка Ангары, где были бы представлены все эпохи – от первобытной дикости до сегодняшней технологической ГЭС, которая и сейчас является отнюдь не рядовым сооружением.

Еще Потанин в XIX веке писал, что Иркутск, в отличие от всех других городов России, имеет не выпуклую, а вогнутую набережную. У нас есть еще как минимум еще один участок от старого Ангарского моста до Вечного огня (Цэсовская набережная), который деградировал. И если мы там создадим что-то такое, что было бы аналогично прошлому передовому опыту (я подвожу к проекту мацуевского концертного зала), то, может быть, это изменит отношение к Иркутску и у иркутян, и у гостей? Это должен быть объект такого же класса, как для своего времени павловская архитектура или создание общественных пространств в старом деревянном Иркутске? С другой стороны, мы создадим еще одну часть непрерывной набережной от Ушаковки до плотины.

ЕГ Да, это действительно шанс на обновление, создание новой идентичности, уже третий в сфере градостроительства: дерево, Павлов – и вот он, третий шанс создания идентичности на этом месте. Но боюсь, что из этого проекта ничего не получится; к величайшему сожалению, там правит не высокая архитектура, не здравый смысл, а деньги и квадратные метры.

АГ Да, очень вероятно, что как культурное пространство эта территория будет убита, даже если ее мало-мальски приведут в порядок.

ЕГ У этого места есть «гений»: он виден и понятен. Это памятник архитектуры, который даже могучий соб-

стенник пока не может вывести из реестра. Сложилась такая ситуация, что его представители вынуждены были устроить всероссийский конкурс на это место с международным участием (не без наших усилий). И среди победителей оказались авторы, которые сохраняют памятники, стремятся восстановить Чудотворскую церковь, о которой даже иркутяне забыли, а вот питерцы предложили восстановить. Но судьба этого места по-прежнему не решена. И я думаю, что даже если ее оставят в нынешнем состоянии – это не самый плохой случай. Во что превратился бы Суздаль, если бы он не остался на обочине событий XX века? Иногда получается, что провинция, застой, оторванность от прогрессивных течений для истории оказываются благом. В 80-е годы маленький провинциальный Суздаль попал в Золотое кольцо и сохранился уже навсегда.

ВБ У нас два таких исторических поселения. Верхолениск как был, так и остался поселением с одной улицей вдоль реки и с церковью в качестве доминанты. За последние лет десять только и появилось нового, что пластиковые окна да современные крыши. И Киренск такой же.

ЕГ А Енисейск?

ВБ В Енисейске в преддверии 400-летия города благодаря указу президента 2014 года многое сделано.

СШ Хочу сказать про набережную. 130-й квартал оттянул на себя ресторанный актив, которая захватывала бульвар Гагарина в 90-е годы. Тогда была реальная угроза полного уничтожения набережной как общественного пространства: там появлялись рестораны, линия набережной противозаконно «рубилась» на куски частных территорий. Сейчас набережная полностью изменилась по функциям: это детско-родительское прогулочное место; остров Юность в гораздо лучшем состоянии, чем когда-либо. Если к этому присоединится облагораживание Конного острова, то Иркутск в отношении общественных пространств станет гораздо благополучнее.

АГ Тема Ангары мне кажется недоговоренной и непроговоренной. Для жителей берегов Волги река выступает как мощный культурный фактор, именно жизнь на Волге является фактором идентичности и в городах, и за их пределами. В Иркутске это не так, хотя в отзывах гостей восторженные интонации присутствуют всегда.

ЕГ Действительно, часть правого берега осваивается с той или иной степенью успешности. Но левый берег! Напротив Вечного огня, в самом центре города – пустырь. И далее по левому берегу вниз по течению тоже дикость и заброшенность.

ВБ Иркутск находится в самом начале реки, всего несколько десятков километров от Байкала. У нас есть и первоклассный промышленный объект – первая на Ангарском каскаде ГЭС. На берегах водохранилища органично выглядят и мемориальные объекты (памятник Ленину; возможно, в будущем появится памятник героям соцтруда), и зона отдыха, которую уже начали преобразовывать. Первый поселок ГЭС сам по себе прекрасный образец разумно спланированного жилья. Самое место для создания историй об Ангаре, заселении места...

АГ Организовать плавание в омулевой бочке от Байкала до водохранилища...

ЕГ Выходов к реке в городе недостаточно. А берега Иркутка и малых рек вообще никак не осмыслены...

СШ Психологически город с Ангарой не связаны.

ВБ Большинство жителей вообще не воспринимают реку как отдельную ценность. Но кроме того, неосвоенная тема – путешественники и исследователи в Восточной Сибири. Возникает тема не только трамплина отсюда в центр, но и трамплин для освоения пространства с запада на восток.

АГ Иркутск как фронт – это красиво. Но это тоже история. Какой мы сейчас фронт? Самая середина.

ВБ Осталась только «середина земли». Правда, есть геологический фактор – перелом двух плит.

ЕГ Неплохо быть и серединой Транссиба; его знают все: самая длинная железная дорога в мире...

МТ Мне говорил один историк-методолог, что позиционирование себя как середины – самое бесперспективное дело: все движется, а середина бездеятельна, она стоит.

СШ С середины некуда бежать...

КЛ Но середина – это середина пути, а дорога – это движение в две стороны, как систола и диастола. И движение – центробежное или центростремительное – все равно идет через нас.

ВБ Была идея в 130-м квартале поставить скульптуру вогнутого глобуса с центром в Иркутске: куда ни встанешь – все равно скатишься вниз, к центру.

АГ Есть еще одна проблема – дефицит мифотворчества.

МТ Мне вспоминается история с границей между Европой и Азией: как екатеринбуржцы ее передвинули в свою пользу, чтобы было что показать. Мораль: если даже нет уникальности – давайте создадим ее! Пять лет грамотной работы гарантируют успех.

ЕГ Мифы 130-го квартала и пишутся, и работают.

МТ А мифы о подземельях и купеческих кладах – это даже больше: источник информации для черных копателей. У меня по соседству живет такой.

ЕГ Иркутск – место ссылки, каторги, поселения. Зависела ли его дальнейшая судьба от этого?

АГ Местом каторги он не был никогда. А ссылка, поселение – это место нормализации, возвращения в цивилизацию. Это касается не только декабристов. Есть один успокаивающий момент: Иркутск – один из немногих губернских центров, где не только разрешали поселиться, но и брали бывших каторжан в чиновничью и даже на государственную службу в связи с тем, что вчерашние ссыльнокаторжные были грамотными людьми. Ведь декабристы были лишены дворянского достоинства, но они чувствовали себя дворянами, в их салоны ходили, как к дворянам. Для них Иркутск был местом реабилитации.

ВБ Но тема реки все-таки представляется наиболее интересной.

ЕГ Один из первых Зимников 1999 года был «Город и река», «Проект Байкал» посвятил реке № 7 «Побережье» и № 50 «Берега».

АГ Но в том, что строится, я реки не вижу вообще.

КЛ В лучшем случае – игнорирование, а зачастую – враждебность.

ВБ Мне кажется, что все попытки выйти на эту тему, остаются больше внутрикорпоративным делом архитекторов. Надо все-таки выносить эти проблемы на публичное обсуждение через общественную палату и журналистов. Сюда же подключается и тема благоустройства островов.

КЛ Надо иметь в виду, что острова очень разные.

ВБ Это такая Матёра в центре Иркутска. Мало того, что они разные, но селятся там зачастую без всяких прав.

ЕГ А вместе острова составляют огромную площадь. Когда мы делали проект нового моста, взамен которого построен нынешний мостовой переход – Академический, то запроектировали мост-бульвар и «зацепляли» крупные острова, несколько изгибая линию самого моста. На них мы делали спуски в зеленую зону, прогулочные маршруты. Но это показалось слишком роскошным, и возник нынешний технический переход. А через год в Роттердаме был построен аналог нашего проекта, мост с изгибом. В общем, это относится к упущенным возможностям для развития города. При этом наш проект был победителем, о нем много писали. У нынешнего моста и еще один порок: он идет по насыпи; для того, чтобы восстановить непрерывность набережной, придется долбить проход.

ВБ От этого места до Верхней набережной – огромное пространство, на котором можно реализовать интересные проекты. Такая перспектива вселяет оптимизм.

ЕГ Спасибо за участие, идеи и до новых встреч в дискуссионном клубе «Проекта Байкал».